

Вячеслав ИГРУНОВ:

«Я ВСЮ ЖИЗНЬ САМ СОЗДАВАЛ КОМАНДУ»

– Вячеслав Владимирович, Вы были в свое время диссидентом, почему вдруг в юные годы Вы пошли против власти, против общего мнения?

– Что меня подтолкнуло к тому, чтобы ступить на данную стезю? А очень просто: мир казался мне несоответствующим тем идеалам, которые в меня вкладывали родители, школа. Чувствовалось явное противоречие между государственной идеологией, этикой и тем, что я наблюдал вокруг. Это вызывало во мне протест. Я не хотел жить в таком аморальном мире, в котором жил.

– Что именно раздражало Вас в общественном устройстве?

– Меня поначалу не столько интересовала политика, как таковая, или государственное устройство – я хотел, чтобы в повседневной жизни люди были человечны. Я видел какую-то мелочность, подлость, черствость, грубость, алчность. Видел ничтожность помыслов и отвратительность дел людей, которые окружали меня ежедневно с утра и до ночи.

Я считал, что государство существует для того, чтобы обеспечить человеку достойную жизнь. Если оно с этим не справляется, значит, в нем заложено нечто такое, что надо изменить.

К маю 1966 года участниками нашей группы была освоена значительная часть трудов Маркса, Энгельса, Ленина. К тому времени мы уже отчетливо осознавали себя политиками, поскольку знали свои цели и имели концепцию преобразования мира, а к концу 1967 года оказались не только не марксистами и не революционерами, а такими радикальными либералами, антисоветчиками.

Когда мне исполнилось 20 лет, вырисовались основные черты моего мировоззрения, с которыми и прожил всю оставшуюся жизнь до сегодняшнего дня. Концепция компромисса, которая вырабатывалась в период моего политического взросления с 1968 по 1971 год, началась именно с осознания того, что общество в ближайшие десятилетия даже на сантиметр не приблизится к моим юношеским идеалам. И то, что я хотел бы видеть в этом мире, нереализуемо. Нельзя построить желаемое общество сразу, надо считаться с реальностью, делать все поэтапно, шаг за шагом. Такой не революционный, а эволюционный подход отличал меня от диссидентов и от будущих, то есть теперь уже нынешних, политиков. Именно поэтому я не люблю, когда меня называют диссидентом. Мне ближе понятие инакомыслящий.

Моя программа экономических реформ, например, была рассчитана на 25 лет, а не на 500 дней. Я уже тогда говорил, что нельзя разрушать государство, потому что вместе с этим разрушением мы получим только ухудшение и прав человека, и падения уровня жизни. Для меня главная составляющая в продвижении общества – культура. То есть неважно, что производим, – ракеты или тележки. Куда важнее – как человек относится к миру. Вопросы, которые стояли перед Конфуцием и Иисусом Христом, так же остро стоят и сегодня перед нами. Самое главное – это отношения между людьми. Жизнь есть любовь. А я видел в ней ненависть, безразличие, жестокость. Для меня стало очевидным, что необходимо, наконец, обеспечить условия для некоего культурного прогресса, для его прорыва. Я был прогрессистом, что, впрочем, осталось в некоторой степени во мне и сейчас. Мы с единомышленниками считали своей задачей «оседлать» положительные тенденции тысячелетнего развития и приостановить разрушительные тенденции в обществе. Мы были эволюционистами и считали, что любые резкие движения слишком многое ломают в любом общественном организме. Чем резче революция, тем больше тонких регулирующих механизмов рушится, тем ощутимее нарушается культура, ее потом

труднее восстанавливать. Так что на революцию я установил для себя табу. Каждый живущий хочет увидеть светлое завтра, но общество развивается медленно, шаг за шагом.

– В 1989 году советское общество вдруг получило возможность активно участвовать в политике. Как это повлияло на само общество и на Вас лично? Отразилось ли это на возможности реализации Ваших замыслов?

– В конце 80-х мы много спорили с Гайдаром, с Чубайсом. И когда впоследствии они вошли в правительство, я обратился к ним с предложением обсудить социальные последствия экономических реформ. Получил вполне конкретный ответ: «Хватит разговаривать. Мы уже наговорились... Надо действовать. Никаких обсуждений!» Все, что они начали делать, не имело никакого отношения ни к рынку, ни к преобразованию общества. Конечно, было и положительное: в этом процессе у многих людей появилась возможность создать эффективные предприятия. Но тем не менее все это находилось как бы на обочине главной магистрали, основную суть которой составляло конвертирование власти коммунистических правителей в собственность. По большому счету, это и провозглашали гайдаровцы. На поверку вышло так, что старая власть оказалась очень тесно слита с новыми собственниками. Такова была цель, так ее и реализовали.

– С начала 1990-х Вы возглавляете Институт гуманитарно-политических исследований. Как он возник?

– В конце 80-х мы с моими друзьями и коллегами создали архив самиздатской прессы – М-БИО. Но кроме сбора периодики мы также занимались распространением ее в СССР и информационным взаимодействием. Постепенно сложилась целая сеть, альтернативная союзпечати. Такой своеобразный диспетчерский пункт неформальной прессы. На базе этого была создана огромная база данных и собран объемнейший материал, который со временем стал очень интересен крупным научным центрам. И стало очевидно, что совершенно зря, чтоб этот материал стоял и пылился у нас. Тем более 1989 год – это год Съезда народных депутатов. В России начинается активная политическая жизнь и все информационные центры, подобные нам, на фоне телевизионных трансляций превращаются почти в ничто. Тот рывок политической жизни 1989 года обесмыслил всю ту работу, которую мы делали. Но собранный за эти годы материал архива – это огромное информационное богатство. И тогда на базе этих материалов мы решили создать

исследовательский центр, который не просто бы собирал их, но и изучал.

– Ваш институт активно функционирует и поныне. А чем он отличается от себе подобных?

– Прежде всего, начнем с того, что наш институт отличается только древностью. Он самый старый из ныне функционирующих. Но наш институт занимался и занимается не только исследованиями, но и реальной общественной жизнью. Скажем, оргкомитет всесоюзного «Мемориала» был создан на базе нашего Центра, координационный центр проведения первых предсъездовских мероприятий Съезда народных депутатов собирался именно в М-БИО. Идея Межрегиональной депутатской группы, из которой вышел Ельцин, родилась тоже внутри нашей структуры. Ну и, наконец, именно у нас была задумана партия, которая в будущем стала «Яблоком». То есть мы были не просто исследователями и экспертами, которые рекомендуют, мы сами производили политические реалии нашей жизни, сами были создателями и участниками. Кроме этого, на базе нашего института был создан целый ряд учебных заведений.

– Очевидно, это была попытка реализовать Вашу идею 60-х годов, что когда наступит день «Х», потребуются реформы и необходимы будут структуры и люди, способные их реализовать?

– Да, я все время готовил и готовлю теоретическое обоснование реформ и одновременно с этим людей, которые

Незадолго до ареста. Одесса. 1974 г.

Вячеслав Владимирович ИГРУНОВ, депутат Государственной думы трех созывов (до октября 2001 г. фракция «Яблоко»), заместитель председателя Комитета по делам СНГ и связям с соотечественниками. Директор Международного Института гуманитарно-политических исследований.

Родился на Украине в 1948 г. В октябре 1965 г. организовал подпольный марксистский кружок. С начала 1970 г. связан с группой, выпускавшей самиздатский журнал «Поиски». В марте 1975 г. был арестован по обвинению в клевете на советский строй. Освобожден в 1977 г.

До 1987 года работал почтальоном, контролером КПП военизированной охраны, служащим Одесского объединения «Точмаш».

С 1987–1988 гг. – внештатный корреспондент редакции бюллетеня «Век XX и мир». Один из основных создателей движения «мемориал». С мая 1988 по 1989 г. – редактор самиздатской газеты «Хронограф».

В 1988–1991 гг. – начальник отдела социальных проектов Научно-технического кооператива «Перспектива». В июне – августе 1988 г. – один из основателей Московского бюро информационного обмена (М-БИО), на базе которого в 1991 г. был создан Институт гуманитарных и политических исследований (ИГПИ).

В 1989 г. был одним из инициаторов создания Высших социологических курсов ССА АН СССР.

С 1993 по 1994 гг. – начальник Информационно-аналитического центра Государственного комитета РФ по национальной политике. Один из «отцов-основателей» партии «Яблоко». В январе 1995 г. был избран членом бюро Центрального совета общественного объединения «Яблоко». В ноябре следующего года был избран заместителем председателя объединения «Яблоко» по партийному строительству.

15 октября 2001 г. вышел из Политсовета и партии «Яблоко».

Член Оргкомитета Гражданского форума.

Представлен к высшей общественной награде России – Золотому Почетному знаку «Общественное признание».

будут их реализовывать. И наш институт занимается именно этим. Мы придумываем идеи, разрабатываем технологии и учим людей.

– На базе Вашего института возникло «Яблоко». Как это произошло?

– Вот это тоже одна из технологий. У нас были большие трения с Гайдаром, с его командой, большие споры. Это ни к чему не привело. И когда они вдруг стали у власти, мы окончательно разошлись – тогда я понял, что катастрофа неминуема. Она действительно произошла. После разочарования в Межрегиональной депутатской группе я решил готовить новое поколение политиков, потому что понимал, что с этими далеко не пойдешь. В революционный период этим заниматься было, конечно, смешно, к тому же 1991 год – развал страны, куда уж тут выращивать новых политиков – надо работать с теми, кто есть, и искать новых. Я понял, что надо найти молодого человека, который пользуется авторитетом в обществе и, создав ему идеологию и механизмы, продвинуть его во власть. И уже войдя во властные структуры, реализовывать те цели, которые мы считали нужными, то есть предотвращение крушения нашей страны.

– То есть Вы технолог, а он – харизматическая фигура, лидер...

– Именно так. Очень долгое время я не мог найти такого человека, но как-то раз увидел Явлинского, который неожиданно для меня заявил, что после того, как Гайдар все разрушил, для реформ теперь понадобятся лет 10–15.

И это после его программы «Реформы за 500 дней!» Я подумал, что вот человек учится. (Ведь я очень активно выступал против его «500 дней».) Надо с ним встретиться. Юрий Болдырев и Глеб Павловский помогли мне встретиться с ним, и мы часов шесть-семь проговорили с ним на даче у историка Гефтера. Тогда я был очень разочарован, но никого другого не было, надо было работать с Явлинским, а со временем, возможно, что-то изменится, решил я.

– Это как раз реализация того пути компромиссов, который Вы культивируете?

– Да, это путь компромисса, но это путь политической реальности. Политическая реальность – всегда компромисс или катастрофа.

– За девять лет своего существования «Яблоку» не удалось превратиться в мощную структуру, играющую роль не только в московской политике, но и в регионах. До последних думских выборов «яблочки» могли гордиться хоть тем, что у них была значительная фракция в парламенте, но теперь она уменьшилась в два раза и уже не способна влиять на принятие каких-либо важных вопросов. То есть за последние годы позиции «Яблока» очень ослабли. Внутри движения начались процессы брожения. Чем Вы можете объяснить это явление?

– Здесь есть несколько моментов, которые я попробую объяснить. «Яблоко» создавалась как некая опережающая фракция. Мы были и демократы, и рыночники, но при этом мы выступали

«Власть в государстве является отражением политической культуры общества, и каждый народ заслуживает того правительства, которое имеет. Попытки требовать от власти больше, чем может само общество, приводят к разочарованию и поражению. Но вместе с тем губительно думать, что человек и общество не могут изменить характер власти, и обречены лишь на противостояние этой стихии».

против разрушения государства, разрушения экономики, против радикальных реформ. В сущности, идея заключалась в том, чтобы революция как можно быстрее закончилась, а дальше перейти к восстановлению государства.

– Вячеслав Владимирович, уточните, это предположение или было в программе? Потому что политический имидж у «Яблока» был как раз иной...

– В программе, конечно, этого не было. Более того, многие вещи, которые я хотел внести в программу, осмеливались. Я пытался ставить, например,

На открытии конференции в Учебном центре ИГПИ, г. Черкизово

тезис, что образование – основной приоритет «Яблока». Команда Явлинского меня просто осмеяла. При чем здесь образование и экономика? – говорили они. Образование – это социальная сфера, так мы это и пропишем. Они, например, не поняли, что современная экономика – это прежде всего интеллектуальное производство. У России сейчас есть единственный капитал, с которым она может остаться в современном мире, – человеческий интеллект и те научные, академические школы, которые сохранились. Мы были демократами и отстаивали государство. Мы были государственниками.

– Но заподозрить Явлинского в государственнической позиции крайне трудно.

– Да, это была моя точка зрения, и ею было продиктовано то, что в конечном итоге с нами долгое время работал Болдырев, который был государственно и патриотически настроен. По моей

На рабочем месте в Думе

просьбе для уравнивания западника Явлинского мы пригласили Лукина. Тем самым мы пытались ввести патриотическую государственническую линию. Но мы не ввели все это в идеологию движения, мы не сумели вписать это в программу, потому что Явлинский не допустил, чтобы я разработывал программу, а отдал ее в руки традиционных западнических либералов.

– Скорее всего это и было главной миной замедленного действия, которая топтит «Яблоко» последние годы.

– Естественно. Но тогда мы были продвинутой партией. Мы были партией интеллигенции, партией новой экономики, не просто рыночной, а новой экономики – экономики постиндустриальной. Но это был проект, который все время не реализовывался. Против этого все время выступал Явлинский. Мы не должны быть государственниками, мы не должны быть патриотами, и т.д. И этот конфликт все время тлел. Партия чуть не раскололась в связи с вопросом о Белоруссии,

был серьезный конфликт в вопросе о НАТОвских бомбардировках в Косово. Все время эти линии сталкивались, постепенно партия становилась все более и более похожей на ту, которую я хотел бы себе видеть, но ведь мир изменился. Россия изменилась! Россия устала от революций, ей нужен был термидор. Прекращение революции, реставрация некоторых старых ценностей, потому что общество не может идти дальше, не опираясь на какие-то традиционные для него ценности.

И когда Примаков пришел к власти, стало видно, что общество готово к термидору. Примаков – типичная термидорианская фигура – начал стягивать к себе огромные симпатии населения. Надо было идти к Примакову. Надо было реализовывать термидор, но Явлинский не захотел этого. Это был очередной конфликт внутри «Яблока» в 1998 году. В это время мы начали готовить избирательную кампанию, и я провозгласил концепцию: «Термидор неизбежен, и на выборах победит тот, кто предложит наиболее человеческий вариант термидора». Явлинский этот вариант не принял, а принял вариант – «Революция движется дальше – мы продолжим реформы». Так вот на этих выборах вариант термидора реализовал Путин, а «Яблоко» реализовывало противостояние Путину, и поэтому, потерпев сокрушительное поражение, стало маленькой фракцией в Думе.

– Тогда же возникли проекты слияния СПС и «Яблока»?

– Поражение, которое мы потерпели в 1999 году, привело к очень сильной деморализации нашей партии, и самое главное – к деморализации нашего электората, которому захотелось слияния всех демократов. Подход неграмотный, но давление избирателей и давление спонсоров привело к тому, что в партии начались разговоры о слиянии с СПС. А это совершенно нереальная перспектива. В первую очередь из-за идеологических разногласий и из-за амбиций. Вряд ли Явлинскому кто-нибудь предложил какую-нибудь заметную роль в новом объединении. А он хочет быть первым и только первым.

– И все это привело к тому, что Вы вышли из «Яблока» и вместе с Вами его покинули сразу три человека, до самого последнего времени открыто заявлявших о своей оппозиционности Григорию Явлинскому. Как Вы мотивировали свой выход?

– В своем выступлении я сказал, что в партии началась инволюция. До этого на протяжении многих лет происходила эволюция и объединение более или менее одинаково мыслящих людей.

Даже сейчас я констатирую, что моя позиция по многим вопросам остается близкой к позиции руководства. Но после поражения на парламентских выборах в партии начались организационные «реформы», в ходе которых предпосылки для создания яркой команды стали утрачиваться. Чтобы убрать противовес себе и стать полновластным хозяином, Явлинский начал в партии радикальную реформу. Реформа была страшно авторитарна. Чего-то удалось не допустить, но и при нынешней ситуации «Яблоко» достаточно авторитарная партия. Естественно, началась чистка партии. Кто не смирился, тот ушел. «Яблоко» один за другим покинули яркие и авторитетные люди: Болдырев, Мизулина, Травкин... Можно объяснить, почему эти люди ушли, но невозможно понять, почему вместо них не приходят другие яркие люди или приходят и тут же уходят, как это, например, было со Степашиным. Ситуация, в которой «Яблоко» присутствует в политике лишь постольку, поскольку в ней присутствует Явлинский, делает бесперспективной эволюцию «Яблока».

– Что ждет «Яблоко», какие его перспективы?

– Один из наиболее вероятных сценариев: «Яблоко» станет маргинальной партией, не попадет в следующую Думу и развалится. Но есть еще другой сценарий. Если Явлинский осмысленно займет оппозицию Путину и будет проводить эту линию четко и последовательно, он может набрать не только пять процентов, но и больше.

– Уход из политсовета «Яблока» и фракции повлечет Ваш уход с поста заместителя председателя Комитета по делам СНГ и связям с соотечественниками...

– Совсем нет. Я не представляю, как Дума проголосует за мой уход. Я думаю, что большинство в Думе знает меня как наиболее эффективного человека на этой должности.

– А как уход из «Яблока» отразится на Вашей политической жизни? Вы становитесь самостоятельным политиком, таким одиночным волком, или будете искать новую команду?

– Да, действительно, я теперь вынужден действовать как самостоятельный политик. Путь одинокого волка. Пока так. Приклеюсь ли я к кому-нибудь? Нет. Этого точно не будет. Я всю жизнь сам создавал команду. То, в чем я приму участие, будет новым проектом. При этом совсем не обязательно, что это будет партийный проект. Какой он будет? Посмотрим. Я не хочу сейчас открывать все карты.

– В ноябре этого года прошел Гражданский форум, членом Орг-

комитета которого Вы являетесь. Какие, на Ваш взгляд, глубинные причины возникновения идеи этого Форума и как его проведение отразится на развитии гражданского общества в России?

– В течение ельцинского периода в атмосфере опьянения революционными переменами демократическим идеям были подвержены и политические лидеры страны, и целые государственные институты. Поэтому структуры гражданского общества понемногу заполняли свои экологические ниши и кое-где добивались серьезного влияния на принятие решений. Смена президента и последовавшая затем ломка государственных структур повлекли за собой разрыв коммуникаций, разрушение переговорных площадок и временное ослабление влияния гражданских структур на деятельность государства.

Итогом этого процесса могла стать реанимация привычной для России ситуации, когда власть противостояла бы обществу, опираясь на «фаддеев булгаринных», а общество с сочувствием внимало бы герценам, тянущимся к колоколу.

В подобной ситуации не было бы выигравших. Власть натерпелась бы стыда и получила бы сомнительное украшение в виде марионеточных структур, о которых, скорее всего, постарались бы побыстрее забыть. Общественные организации столкнулись бы с внутренним расколом, так как длительное и серьезное противостояние власти смогли бы выдержать только сильные, преимущественно московские структуры, хорошо обеспеченные грантами или, в лучшем случае, лоббирующие интересы крупных спонсоров. Низовые же региональные организации маргинализировались бы, следуя пафосу противостояния, либо отвергли бы позицию своих федеральных лидеров, идя во втором ряду на поклон к губернатору. Но в этом случае они могли бы надеяться уже не на диалог, а лишь на милость.

Следовало избежать подобного сценария. Возможно ли было это? Государственные чиновники на этот вопрос ответили «да». Визит Владислава Суркова в «Мемориал» и его встреча с самыми радикальными критиками путинской администрации продемонстрировали достаточно гибкие границы диалога. Последующее формирование Оргкомитета и весьма конструктивная работа по подготовке Гражданского форума показали, что и гражданские организации достаточно ответственны, чтобы диалог между государством и обществом продолжился и, возможно, вышел на новый уровень.

– В процессе формирования Оргкомитета Форума Вы заявили, что он только тогда будет иметь смысл, когда будет создан гибкий механизм взаимодействия государства и общественных структур, закрепленный легитимным решением властей и обязательный для чиновников. Какими могут быть эти механизмы и технологии?

– Например, я подозреваю, что очень легко бы было создать экспертный совет по целому ряду вопросов, которые касаются сферы функционирования общественных организаций. Так, например, гражданские организации, действующие в жилищно-коммунальной сфере, могли бы проводить экспертизу жилищно-коммунальных реформ, а люди, которые работают в сфере помощи беженцам и переселенцам, могли бы проводить экспертизу законодательства и практики в этой сфере, также как и в международных отношениях, прав человека, малого и среднего бизнеса и других. То есть в тех сферах, в которых работает огромное количество гражданских организаций, имеющих квалификацию в своей области гораздо большую, чем чиновники. Все это позволило бы президенту получать более выверенное законодательство, так как зачастую, когда чиновники готовят проекты законодательства, эти предложения обладают определенными дефектами, и прежде чем вносить их в парламент, они должны пройти экспертизу в подобных экспертных советах. Это один из механизмов.

Другой механизм касается уже практики реализации закона, которая очень часто расходится с буквой закона. Общественные организации сталкиваются с этим каждый день, так как они аккумулируют жалобы граждан. Это является очень серьезным материалом, на основе которого необходимо корректировать те или иные законы. И в структурах, ответственных за реализацию тех или иных законов, должны быть люди, обязанные встречаться с представителями гражданского общества, обсуждать эти проблемы и принимать какие-то решения. При министерствах надо создавать свои экспертные советы, куда обязательно войдут и представители общественных организаций, то есть необходимо создавать переговорные площадки. Гражданские организации должны и могут стать помощниками для государства, советниками и критиками.

– Как Вы сформулируете основную задачу этого Форума?

– Форум должен создать возможность и структуру для реальных переговоров различных общественных организаций друг с другом и властью.

Он должен явиться началом осмысленного и терпеливого диалога между властью, осознающей пределы своих возможностей, и гражданским обществом, осознающим фатальную недостаточность идеалистического радикализма. Люди должны учиться говорить друг с другом и властью.

Сейчас нашему обществу нужно огромное количество переговорных площадок, где люди с разными подходами, порой трудно уживающиеся между собой, могли бы находить общий язык. Или получать точную информацию о позиции друг друга, чтобы работать дальше с ее пониманием. Создание переговорных площадок – это чрезвычайно важная задача как общества, так и государства.

Необходимо проведение «круглых столов», например, по таким болезненным темам, как экологическая политика государства, условия функционирования общественных организаций, налогообложение, местное самоуправление как основа самоорганизации гражданского общества и др. Проблема прав человека и соблюдение их в России, безусловно, тема, которая тоже должна рассматриваться. Я назвал только некоторые из тем, на самом деле их окажется на порядок больше.

Гражданский форум собрал людей, которых до сих пор невозможно было свести вместе за одним столом, и предоставил возможность договориться друг с другом. Но главное, чтобы этот процесс стал необратимым.

Беседовал
Кирилл НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО

Открытое акционерное общество «Роснефть-Дагнефть» ведет разведку и разработку нефтяных и газовых месторождений на территории Республики Дагестан.

В процессе разработки в настоящее время находятся 41 месторождение. Эксплуатационный фонд составляет 145 скважин, из них 91 – действующие.

Ежегодные объемы добычи нефти с конденсатом в среднем составляют около 350–380 тысяч тонн, газа – более 750 миллионов кубометров.

Основными месторождениями, которые сегодня активно разрабатываются ОАО «Роснефть-Дагнефть» являются Димитровское нефтегазоконденсатное месторождение с ежегодными объемами добычи 650–700 миллионов кубометров газа и 27 тысяч тонн нефти и газового конденсата, и нефтяное месторождение Озерное, в районе Южносухокумска, где добывается около 50 процентов всей нефти в Республике Дагестан.

У нас великолепные перспективы развития.

- Мы интенсивно работаем над освоением шельфа Каспийского моря, потенциальные ресурсы которого составляют более 500 миллионов тонн нефти (именно здесь расположено месторождение Ичхе-море, с разведанными запасами в 8 миллионов тонн нефти и 17 миллиардов кубометров газа);
- Мы приступили к восстановлению бездействующих нефтяных скважин в равнинном Дагестане;
- У нас внедряются самые современные технологии добычи углеводородов;
- ОАО «Роснефть-Дагнефть» приступило к бурению наклонных и горизонтальных скважин под невыработанные участки нефтяных месторождений Махачкала, Тарки и Избербаш;
- Мы начали бурение новых газовых скважин на месторождении Димитровском, где промышленные запасы газа составляют более 41 миллиарда кубометров (ежегодная добыча газа здесь может быть доведена до 1 миллиарда кубометров);
- Мы создали мощную корпоративную систему, которая будет контролировать все процессы – от добычи до переработки и реализации высококачественной продукции;
- ОАО «Роснефть-Дагнефть» проводит последовательную социальную политику в регионе.

Успехи нефтяников Дагестана и в дальнейшем будут способствовать развитию экономики и процветанию Республики Дагестан и России в целом.

Мы открыты для сотрудничества со всеми заинтересованными в реализации наших целей партнерами и организациями. Ждем Ваших предложений...

ОАО «РОСНЕФТЬ-ДАГНЕФТЬ»

Телефон: (8722) 68-02-59, 68-03-56,

67-46-82, 67-85-28, 67-93-49

Факс: 67-58-55, 68-03-56

Телетайп: 175152 НЕФТЬ

E-mail: dagneft@dinet.ru

367008, Республика Дагестан,

г. Махачкала, ул. Танкаева, 75